

Записки петербургского краеведа Альмиры Наимовны Тагирджановой о татарах, выходцах из Черемисева

Каждая татарская семья, проживающая в Петербурге, имеет свою историю и предания, передаваемые из уст в уста. Оговоримся сразу же, черемисовцев в Питере было очень много, рассказать обо всех уже нет возможности. Наши предки доблестно воевали на всех фронтах, самоотверженно работали в тылу и, несмотря ни на что, свято любили свою родину. Они не считали себя героями, хотя с позиций современности, таковыми были. К сожалению, в настоящее время все чаще и чаще мы начинаем осознавать, что очень многое ушло с перешедшими в мир иной представителями старших поколений. Мы не спросили, а они промолчали ...

СЛУЖИЛЫЕ ТАТАРЫ-ПЕНЗЯКИ

Нужно сказать, что из публикации в журнале «Гасырлар авазы — Эхо веков» известно, что в 1640 г. служилые татары с семьями из Темникова были направлены на строительство крепости Саранск. В 1828 г. пензенский губернатор докладывал в Петербург, что в татарских селениях Саранского уезда мечети сооружаются посреди улиц самопроизвольно и приумножаются. Не будем этому удивляться, дело в том, что часть территории современной Мордовии тогда входила в состав Пензенской губернии и проживающие ныне в Мордовии татары с точки зрения этнографов считаются пензенскими. В качестве самоназвания эти татары еще несколько десятилетий назад употребляли слово «пензяк». Из воспоминаний своей бабушки автор этих строк знает, что сто лет назад в Черемисеве было 700 дворов и 7 мечетей. При каждой мечети тогда существовали двухгодичные школы, мальчиков учил мулла, а девочек — абыстай, жена имама. Дети учились после окончания осенних уборочных работ и до начала весенних посевных. Общинные земли не могли прокормить всех и поэтому отхожий промысел был делом многих татарских крестьян. На зиму на заработки они уезжали в основном в Питер. Думается, это было не случайно и не на пустое место они ехали. С петровского времени татары несли рекрутскую повинность и некоторые из них, отслужив, оставались. Например, в островной крепости Кронштадт близ Петербурга в начале XIX в. жили и трудились 7 отставных от службы солдат, а в начале XX в. таких было более четырехсот и работали они в мастерских, в портах, занимались извозом и мелкой торговлей. В 1803 г. имамом Кронштадта был утвержден солдат Базеев. По наблюдениям автора, фамилия Базеевы (Бази халкы) встречалась раньше только в Черемисеве.

АСАБИНЫ И БИГЕЕВЫ

В Петербурге численность татар неуклонно росла. Если в 1897 г. татар было около 5 тысяч, и среди них были чиновники и офицеры, студенты, купцы и мелкие торговцы, фабрично-заводские рабочие и ремесленники, конюхи и официанты, то по переписи в 1939 г. их было 31,5 тысяч человек.

До революции в Петербурге обосновались пензяки Арибджан Асабин и Муса Бигеев.

Пришло время, и Асабин стал пассивным участником революционных событий, в эпицентре которых находился Бигеев. Асабин занимался гужевым извозом (грузовыми перевозками) и до какого-то времени оставался среди односельчан единственным человеком, владевшим русским языком. Потом он стал кучером у немца-хозяина Тентелевского химического завода (ныне завод «Красный химик») и способствовал трудоустройству на завод своих земляков.

Муса Бигеев, уроженец села Кикино Чембарского уезда Пензенской губернии (ныне Каменский район Пензенской области) был очень популярной в татарской среде личностью, одним из лидеров прогрессивного движения среди мусульман, вольнослушателем юридического факультета Императорского Петербургского университета, сотрудником газеты «Ульфат», совладельцем издательства и типографии «Аманат», автором перевода Корана на татарский язык и целого ряда публицистических и богословских произведений по истории ислама, хадисоведению, исламскому праву. В июне 1917 г. Временное правительство по рекомендации Исполнительного комитета мусульманского совета утвердило М. Бигеева ахуном 1-го мусульманского прихода Петрограда, и до своего ареста в октябре 1923 г. и последующей высылки он был муллой в Соборной мечети.

ИЗ РОДА БАЗЕЕВЫХ

Из деревень в 1920-е гг. татары уезжали большими семьями, с братьями и сестрами, с зятьями и невестками и прочей родней. Работу в городе и гарантированный паек получали все. В числе прибывших в поисках работы из Черемешева в 1925 г. был Абдулла Базеев. Здесь уже жили и его старший брат Файсхан и семья Арибджана Асабина. Жизнь у людей налаживалась. Трое младших сыновей Арибджана: Бурхан, Казым, Саид в конце 1930-х гг. играли в ансамбле гусяров при клубе «Ленинский путь» профсоюза рабочих минеральных удобрений и содовых продуктов, а их отец построил дом в поселке Мариенбург, в 50 км от Ленинграда рядом с Гатчинским парком и бывшей резиденцией российских императоров. Земляки-односельчане крепко держались друг друга, большими артелями жили и работали на ближайших заводах. Базеев поступил на работу в бригаду землекопов на судостроительный завод № 190 «Путиловская верфь». Родители его рано женили, выбрав невесту Разью Ягудину на свое усмотрение, и он подался на заработки в Питер. Здоровье у молодой жены было слабым. Она умерла, оставив мужу полуторагодовалого сына. Дочь Арибджана Асабина Абдулле очень нравилась. В Питере он нашел нужные слова, склонил будущего тестя на свою сторону, и, вернувшись в деревню, отец объявил дочери о скорой свадьбе. Поженились они зимой 1927 г. и приехали в Ленинград.

(Продолжение следует).

ОТХОДНИКИ

В конце 19-го - начале 20 века ускорились процессы социального расслоения населения

местного края. Часть крестьян была вынуждена зарабатывать на стороне. Отходничество среди татар-мишарей, расселенных близко к столицам и промышленным центрам, началось довольно рано – еще с отмены крепостного права.

«По существу, с этого момента начался процесс национального возрождения татар-мишарей – сравнительно быстрый рост численности населения; усиливается социальная подвижность, что позволяет компенсировать рост обезземеливания крестьян», - писал в своих трудах известный историк А.М. Орлов.

Еще подростком, в тридцатые годы двадцатого столетия со своим земляком из Татарской Свербейки Мизамом Гафаровым строил «Волгострой» будущий Герой Советского Союза Асым Баляев. В семье Асыма, как и у Мизама, имелся гужевой транспорт: лошадь и телега. Частные извозчики возили на стройку воду, дрова. После войны они окончательно обосновались в подмосковном городе Ногинске.

Татары Лямбиря, Черемисева, Щербакова, Кривозерья и других сел работали извозчиками в подмосковных городах, в самой Москве, занимались «разносной торговлей» в Петербурге.

Как свидетельствуют паспорта (см.фото) вековой давности, вместе с односельчанами из Лямбиря выезжал на заработки на шахты Донбасса Сулейман Шарафутдинович Батыршин. До призыва в действующую армию в 1915 году он числился вагонетчиком Лисичанского каменноугольного рудника. Чернорабочими в Петербурге трудились лямбирцы Хайрулла Фетхуллович Мухаев, Ахметжан Фетхуллович Морозов, Шарафетдин Асянович Арюков. Документы заверены волостным старшиной Ерзиным, писарем Зиминим. Паспорта выдавались сроком на один год.

До наших дней дошло прошение. В левом верхнем углу его значится: «С.-Петербургская вальцевая мельница. Акц. Об-ва С-Петербургскихъ товарныхъ складовъ, холодильниковъ и элеваторовъ». В правом верхнем углу надпись «С-Петербург» исправлена на Петроградъ. И дата: «14 января 1915 года». До революции остается два года. А суть бумаги в следующем: заведующий конторой мельницы и бухгалтер покорнейше просят прислать новый вид на жительство Ахметжану Фетхулловичу Морозову, крестьянину деревни Лямбирь, по адресу: Глухоозерская улица, 1-5. И в заключение, как было тогда принято: «С совершеннейшим почтением».

В паспортах же обязательно указывалось вероисповедание. В данном случае – «магометанское». Была и строка «отношение к отбыванию воинской повинности».

Редакция благодарит заместителя директора Центрального государственного архива РМ Г.И. Григорьеву за предоставленные материалы.